Более того, как указывали уже некоторые исследователи, автор повести был плохо осведомлен о географическом и политическом положении Чехии. Хотя слова о «немецких режах» как будто говорят о том, что он осознавал вассальность Чехии по отношению к Священной Римской империи Габсбургов, однако фраза «чешские короли всегда бывают в поддании франчюжских королей» невозможна в устах чеха. Королевич Василий Златовласый отплывает из континентальной Праги во Францию на корабле. Сторонники чешского происхождения повести могут возразить, что аналогичная ситуация возникает в «Брунцвике», повести безусловно чешской. Но этот контраргумент отпадает, так как в последней отысканию корабля предшествует длительное сухопутное путешествие.

Другие доводы И. А. Шляпкина, Н К. Гудзия, Т. Прохазковой касаются лингвистических моментов. Богемизмом считается слово «режи», которое возводят к чешскому «říše» («империя»). Однако в равной степени его можно считать полонизмом, тем более что калька с польского «rzesza niemiecka» была известна в русской деловой письменности XVII в.[17] На недоразумении основано и появление второго богемизма «подобный».

Переходим к гипотетическому польскому посредству. Эта мысль кажется логичной, поскольку путь через Польшу — это обычный путь проникновения в Россию западноевропейских произведений в XVII—начале XVIII в. Кроме того, в лексике повести есть слова, являющиеся полонизмами: «услугование» (польск. usługowanie), «червоные златые» (польск. czerwony złoty). Но их вряд ли можно счесть «родимыми пятнами» иноязычного оригинала. В канун и эпоху преобразований среди московской интеллигенции знание польского языка было повсеместно распространенным и даже обязательным, а в русский язык вошло много польской лексики. В это время Москву прямо-таки наводнили выходцы с Украины и из Польши; много поляков и украинцев служило в Посольском приказе. Один из наиболее выразительных результатов этого процесса — «мова» Симеона Полоцкого, сочетавшая элементы церковнославянского, белорусского, украинского и польского языков и претендовавшая на роль официального литературного языка эпохи.

Не раз отмечалось, что «Повесть о Василии Златовласом» близка к жанру сказки (сюжет о разборчивой невесте), что в основе ее лежат мотивы, равно известные фольклору разных европейских народов. Поэтому вызывает недоумение следующее высказывание Юлиана Кжижановского в его книге о польской народной сказке: «Не исключено, что эта сказка («Разборчивая невеста» — *В. Б.*) была известна в Польше уже в XVI в., может быть даже, что из Польши на Русь перешла популярная повесть о „Василии Златовласом, королевиче Чешской земли“».[18] Вопросы датировки фольклора вообще чрезвычайно сложны, тем более когда они решаются лишь на основании сходства мотивов. Заметим кстати, что сходство это в значительной степени кажущееся. Излагаем типичный сюжет о разборчивой невесте по тому же Ю. Кжижановскому: I, a) король приглашает королевичей искать руки его дочери, b) королевич влюбляется в королевну по портрету; II, a) королевна с презрением отказывает конкурентам, b) высмеивает их и наделяет унизительными прозвищами; III, a) королевна выходит за нищего, b) потому что отец решает выдать ее за первого встречного, или c) когда королевич, пере-

---

[17] A. Florovskij. Ein angeblicher Bohemismus..., S. 105.

[18] J. Krzyżanowski. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym, T. I. Wrocław, 1962, str. 272—273.